

САМООБРАЗОВАНИЕ VS ВНЕКЛАСНОЕ ЧТЕНИЕ: СВЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА В ПРАВОСЛАВНЫХ ДУХОВНЫХ СЕМИНАРИЯХ ПОСЛЕ РЕФОРМЫ 1867 г.

Юлия Александровна Сафронова

Европейский университет в Санкт-Петербурге
6/1А Гагаринская ул., Санкт-Петербург, Россия

jsafronova@eu.spb.ru

Аннотация: Статья посвящена практикам чтения в пореформенной духовной школе. Рассматривая случай конфликта вокруг чтения светских книг воспитанниками Архангельской духовной семинарии, автор ставит под вопрос закрепившийся в историографии тезис о радикальном разрыве между школьными практиками и чтением передовой молодежи, вовлеченной в политический протест 1870-х гг. В статье анализируется инфраструктура внеклассного чтения, контроль над которым Устав православных духовных семинарий 1867 г. возложил на преподавателей. Данные о составе ученических и фундаментальных библиотек, содержание правил, регламентировавших чтение, и составление отчетов о прочитанном, а также выдержки из ученических сочинений позволяют сделать вывод, что в первой половине 1870-х гг. передовая литература не была под запретом в духовных учебных заведениях. Напротив, знакомство с ней, если оно происходило под контролем учителей, виделось представителям Учебного комитета Синода частью подготовки будущего пастыря, способного вести полемику о материализме и позитивизме, защищая догматы православной церкви. В качестве иллюстрации этого тезиса рассматривается амбивалентный статус книги Д.В. Дрейпера «История умственного развития Европы», которая могла служить и учебным пособием по курсу основ философских учений, и текстом, не соответствующим задачам духовного образования, источником антирелигиозных идей. В заключении делается вывод о совпадении контуров программы саморазвития поколения 1870-х и педагогических экспериментов этого времени, одинаково требовавших от читателя знакомства с серьезной литературой, составления письменных отчетов и самостоятельности суждений о прочитанном.

Ключевые слова: история чтения, поколение 1870-х, реформа духовно-учебных заведений 1867 г., духовная семинария.

Благодарности: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00520 <<https://rscf.ru/project/23-18-00520/>>.

Для ссылки: Сафронова Ю. Самообразование vs внеклассное чтение: светская литература в православных духовных семинариях после реформы 1867 г. // Антропологический форум. 2023. № 57. С. 61–85.

doi: 10.31250/1815-8870-2023-19-57-61-85

URL: <http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/057/safronova.pdf>

SELF-EDUCATION VS EXTRACURRICULAR READING: SECULAR LITERATURE IN ORTHODOX THEOLOGICAL SEMINARIES AFTER THE REFORM OF 1867

Julia A. Safronova

European University at St Petersburg
6/1A Gagarinskaya Str., St Petersburg Russia
jsafronova@eu.spb.ru

Abstract: The paper discusses the reading practices in Orthodox theological schools after the educational reform of 1867. Analyzing the conflict over the reading of secular books by students of the Arkhangelsk Theological Seminary, the author questions the historiographical thesis about the existence of a profound gap between school practices and the reading program of progressive youth involved in the political protests of the 1870s. The article analyzes the infrastructure of extracurricular reading overseen by the seminary teachers in accordance with the Charter of Orthodox Theological Seminaries (1867). Catalogues of the student and fundamental libraries, rules governing reading and reporting on what was read, and extracts from student reading reports make it possible to conclude that secular and even democratic literature was not banned in theological seminaries during the first half of the 1870s. On the contrary, such types of reading—provided it was overseen by teachers—was considered to be a way to prepare future pastors for debates about materialism and positivism, defending the dogmas of the Orthodox Church. To illustrate this thesis, the paper considers the status of Draper's *History of the Intellectual Development of Europe*, ranging from it serving as a philosophy textbook to being a forbidden work, a source of anti-religious ideas. In conclusion, the author suggests the existence of a significant convergence between the self-development program of the 1870s generation and pedagogical experiments of that time—which similarly required the reading of serious literature, writing reports, and making independent judgments about texts.

Keywords: history of reading, generation of the 1870s, reform of theological educational institutions of 1867, theological seminary.

Acknowledgements: This work has been supported by the Russian Science Foundation, RSF, grant no. 23-18-00520 <<https://rscf.ru/project/23-18-00520/>>.

To cite: Safronova J., 'Samoobrazovanie vs vneklassnoe chtenie: svetskaya literatura v pravoslavnykh dukhovnykh seminariyakh posle reformy 1867 g.' [Self-Education vs Extracurricular Reading: Secular Literature in Orthodox Theological Seminaries after the Reform of 1867], *Antropologicheskij forum*, 2023, no. 57, pp. 61–85.

doi: 10.31250/1815-8870-2023-19-57-61-85

URL: <http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/057/safronova.pdf>

Юлия Сафронова

Самообразование vs внеклассное чтение: светская литература в православных духовных семинариях после реформы 1867 г.

Статья посвящена практикам чтения в пореформенной духовной школе. Рассматривая случай конфликта вокруг чтения светских книг воспитанниками Архангельской духовной семинарии, автор ставит под вопрос закрепившийся в историографии тезис о радикальном разрыве между школьными практиками и чтением передовой молодежи, вовлеченной в политический протест 1870-х гг. В статье анализируется инфраструктура внеклассного чтения, контроль над которым Устав православных духовных семинарий 1867 г. возложил на преподавателей. Данные о составе ученических и фундаментальных библиотек, содержание правил, регламентировавших чтение, и составление отчетов о прочитанном, а также выдержки из ученических сочинений позволяют сделать вывод, что в первой половине 1870-х гг. передовая литература не была под запретом в духовных учебных заведениях. Напротив, знакомство с ней, если оно происходило под контролем учителей, виделось представителям Учебного комитета Синода частью подготовки будущего пастыря, способного вести полемику о материализме и позитивизме, защищая догматы православной церкви. В качестве иллюстрации этого тезиса рассматривается амбивалентный статус книги Д.В. Дрейпера «История умственного развития Европы», которая могла служить и учебным пособием по курсу основ философских учений, и текстом, не соответствующим задачам духовного образования, источником антирелигиозных идей. В заключении делается вывод о совпадении контуров программы саморазвития поколения 1870-х и педагогических экспериментов этого времени, одинаково требовавших от читателя знакомства с серьезной литературой, составления письменных отчетов и самостоятельности суждений о прочитанном.

Ключевые слова: история чтения, поколение 1870-х, реформа духовно-учебных заведений 1867 г., духовная семинария.

Десятого февраля 1872 г. в газете «Новое время» появилась корреспонденция из Архангельской губернии за подписью А. Пругавина, обличавшая порядки в местной духовной семинарии. Среди прочего в ней описывались репрессивные меры против чтения «светских книг»: семинарская библиотека «необыкновенно бедна», сочинения Белинского можно получить только «с разрешения Синода», ректор просил губернатора запретить выдавать его воспитанникам книги из городской публичной библиотеки, а с недавнего времени стал членом наблюдательного комитета при ней. «[Т]еперь, конечно, семинаристы должны навсегда отказаться от мысли читать “светские книги”», — иронично заключал автор [Пругавин 1872: 3].

Статья была одним из эпизодов борьбы вокруг посещения семинаристами публичной библиотеки, начавшейся еще в 1870 г., когда правление семинарии обязало преподавателей брать «полезные книги на свое имя и давать для чтения ученикам», чтобы

Юлия Александровна Сафронова

Европейский университет
в Санкт-Петербурге,
Санкт-Петербург, Россия
jsafronova@eu.spb.ru

исключить необходимость посещения ими заведения, где духовные воспитанники могли столкнуться с неподходящей литературой [РГИА. Ф. 802. Оп. 9. Отчеты. Разд. I. Д. 1. Л. 265]. К 1871/72 учебному году инспектором Е.Н. Шуйским были составлены «Правила для поведения учеников архангельской семинарии». В соответствии с ними семинаристы были обязаны показывать инспектору все книги, приносимые из города, и получать разрешение на их чтение. «За неисполнение же этого распоряжения ученики подвергались штрафу — даже заключению в карцере согласно 8 § О дисциплинарных взысканиях», — сообщал ректор в отчете за 1873/74 учебный год [Там же. Л. 264об.].

Катализатором открытого конфликта, вынудившего ректора обратиться к светским властям, стало появление в городе А.С. Пругавина, высланного на родину в апреле 1871 г. за участие в кружке студентов Петровской земледельческой академии. 21-летний Пругавин, по отзыву гражданского губернатора Н.П. Игнатьева, «обратил на себя внимание учащейся здесь молодежи как в гимназии, так и в семинарии» [ГААО. Ф. 1. Оп. 4. Т. 1. Д. 2189. Л. 68]. До начала летних каникул бывший студент обсудил с семинаристами план создания с их участием некоего «общества» и библиотеки. В начале осени 1871 г. его старший товарищ 32-летний А.К. Маликов, сосланный в Архангельскую губернию в 1866 г. по делу ишутинцев¹, отговорил молодых людей от этой затеи, ссылаясь на усилившийся надзор: «Маликов отсоветовал, потому что, говорит, из-за ничего, а можно, пожалуй, угодить в Сибирь, а особенно теперь» [ГАРФ. Ф. 112. Оп. 2. Д. 1676. Л. 3]. В качестве компенсации он открыл семинаристам свободный доступ к книгам публичной библиотеки, заведующим которой состоял. В декабре 1871 г. ученик 3 класса семинарии Петр Иванов сообщил о новостях в Петербург: «В библиотеку (публ[ичную]) доступ пресвободнейший, даже если кто желает, так может даром пользоваться книгами для чтения, так что вся семинария почти читает» [Там же. Л. 4об.–5].

Будущий основатель религии «богочеловечества»² в это время был увлечен теориями эгоизма и утилитаризма, что отразилось как на его собственном чтении [Соловьев 2012: 18], так и на

¹ Революционный кружок под руководством Н.А. Ишутина существовал в Москве в 1863–1866 гг. После покушения члена кружка Д.В. Каракозова на Александра II по делу ишутинцев было арестовано 197 человек, большинство из которых за недостатком улик были сосланы под надзор полиции административным порядком.

² Иронично, что всего три года спустя, в 1874 г., А.К. Маликов сформулировал главный тезис своей «системы»: «[Н]аука сольется с верою, и знание сделается религиозным требованием для каждого истинного верующего. Ибо само знание, наука, оторванное от религии, бесцельно и бедно и потому не может обеспечить счастья людей» [ГАРФ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 293. Л. 91].

комплектовании библиотечных фондов. Семинарист Алексей Колчин утверждал, что именно благодаря Маликову «книги теперь почти только выписывают лучшие» [ГАРФ. Ф. 112. Оп. 2. Д. 1676. Л. 2об.]. О характере библиотеки можно судить по тому, что проживавшая в Холмогорах учительница А.Я. Ефименко в марте 1872 г. получила из нее через А.С. Пругавина два номера журнала «Знание», специализировавшегося на популяризации достижений позитивной науки, а также обещание выслать ей «Позитивную философию» О. Конта. К сожалению, в отсутствие каталога нельзя сказать, какие именно книги были приобретены при А.К. Маликове, однако Пругавин оптимистично писал Ефименко: «Библиотека наша растет все более и более» [ГААО. Ф. 1. Оп. 4. Т. 1. Д. 2189. Л. 65].

Период свободного доступа к публичной библиотеке для семинаристов был коротким. В декабре 1871 г. А.К. Маликов уехал в Орел благодаря протекции К.П. Победоносцева, добившегося снятия с него полицейского надзора. Его отъезд вызвал закономерные опасения: «Кто-то секретарем будет и можно ли семинаристам будет пользоваться книгами из библиотеки?» [ГАРФ. Ф. 112. Оп. 2. Д. 1677. Л. 2об.]. Хотя попечение о воспитанниках семинарии негласно было передано библиотекарю из ссыльных поляков Ф.Ф. Харевичу, уже в январе 1872 г. «поднялось гонение», самую возможность которого Петр Иванов объяснял отъездом их покровителя: «Вот и вспомнишь Маликова. Если [бы] был, то ничего бы и не было исполнено» [ГАРФ. Ф. 112. Оп. 2. Д. 1676. Л. 6об.].

Именно в это время ректор архимандрит Донат (Бабинский-Соколов) решил бороться с «непрощенной заботливостью» горожан, снабжавших его учеников книгами «исключительно по естествознанию с материалистическим направлением» [РГИА. Ф. 802. Оп. 9. Отчеты. Разд. I. Д. 1. Л. 420]. Он потребовал от наблюдательного комитета библиотеки, чтобы семинаристам выдавали читательские билеты только по письменному разрешению инспекции, члены которой могли в любой момент проверить список взятых книг. Со своей стороны Ф.Ф. Харевич пообещал свободно «давать человекам 5 книги [так!]» [ГАРФ. Ф. 112. Оп. 2. Д. 1676. Л. 6об.]. В отчете за 1873/74 учебный год ректор жаловался, что в обход решения наблюдательного комитета семинаристы стали брать книги по чужим читательским билетам или «из рук заведующего» [РГИА. Ф. 802. Оп. 9. Отчеты. Разд. I. Д. 1. Л. 265об.].

После выхода статьи в «Новом времени» архимандрит Донат обратился с жалобой к гражданскому губернатору Н.П. Игнатьеву, поскольку, с его точки зрения, публикацией в столичной газете «имелось в виду возбуждение в учениках семинарии

недовольства установленными, согласно Высочайше утвержденному уставу, порядками» [РГИА. Ф. 802. Оп. 9. Отчеты. Разд. I. Д. 1. Л. 265]. В ходе обыска у А.С. Пругавина была найдена подготовленная им вторая корреспонденция с «оскорбительными отзывами» о провинциальной цензуре, местных губернских ведомостях и управлении публичной библиотекой. В марте 1872 г. он был выслан в Кемь для предупреждения дальнейшего вредного влияния на молодые умы [ГААО. Ф. 1. Оп. 4. Т. 1. Д. 2189. Л. 68].

На первый взгляд рассмотренный конфликт иллюстрирует общую ситуацию первой половины 1870-х гг., подробно описанную в историографии [Троицкий 2003]. Семинаристы при помощи ссыльных знакомились с передовой литературой, включавшей как художественные произведения тенденциозного характера о тяжелой жизни крестьян и борьбе «новых людей» за всеобщее счастье, так и научные, в том числе работы Ч. Дарвина¹. Следует подчеркнуть, что все эти книги были опубликованы с разрешения цензуры и доступны другим категориям читателей. Появление в семинарии нелегальной литературы — сочинения М.А. Бакунина «Государственность и анархия» — фиксируется только в 1874 г. [РГИА. Ф. 1410. Оп. 1. Д. 62. Л. 43, 47, 57].

Выбор литературы объединял воспитанников архангельской семинарии с другими представителями поколения 1870-х гг., вовлеченными в политический протест. Историки революционного народничества Т.А. Сабурова и Б. Эклоф называют круг чтения «поколенческим критерием идентификации», который формирует «идеалы и общий культурный код эпохи, нормы поведения и общий язык их описания». Обращаясь к особенностям поколения 1870-х гг., исследователи утверждают, что чтение и ориентация на самообразование заменяли его представителям «общение со старшим поколением, в котором они не видели источника необходимого им опыта и идей» [Сабурова, Эклоф 2016: 60, 69]. Анализируя опыт чтения гимназистов и реалистов второй половины XIX — начала XX в., А. Вдовин и Р. Лейбов выделяют чтение с целью самообразования в особый тип, отличный как от обязательного чтения в рамках школьной программы, так и от рекреационного. С их точки зрения, новый тип чтения, основанный на «жестком каноне» текстов, возник в пореформенное время в политических кружках, которые «представляли собой своего рода *альтернативную школу*» [Leibov, Vdovin 2020: 264; курсив в оригинале].

¹ Список книг, прочитанных архангельским семинаристом П.А. Ивановым в 1870–1871 гг., проанализирован в статье: [Сафронова 2021].

Л. Манчестер, автор исследования о самосознании выходцев из духовного сословия, подчеркивает, что общим местом автобиографических текстов «поповичей» является описание бесполезности семинарского курса, которую им приходилось компенсировать самообразованием в гораздо большей степени, чем это делали гимназисты. Для мемуаристов этой группы характерно убеждение, что «поскольку одной из немногих официально разрешенных форм досуга в бурсе было чтение, большинство поповичей выходили из бурсы весьма начитанными людьми» [Манчестер 2015: 251].

Таким образом, стремление архангельских семинаристов к чтению книг из публичной библиотеки находится на пересечении двух тенденций, зафиксированных в историографии. Свойственные поколению 1870-х недоверие к официальному образованию, регламентированному интересами государства, и стремление к самообразованию через чтение определенного круга текстов, превращавшее читателей в интерпретирующее сообщество [Fish 2010], обострялись особой ситуацией духовной школы. Последняя была максимально далека от запросов «реальной жизни» и более жестко ограничивала круг допустимого чтения, чем это делало Министерство народного просвещения. Реакция архимандрита Доната на статью А.С. Пругавина и ряд решений правления Архангельской семинарии по поводу книг «из города» также укладываются в эту схему. «Отсталые» учителя, часть из которых начала педагогическую службу еще в 1840-х гг., препятствовали саморазвитию воспитанников, не стесняясь привлекать губернатора и жандармов.

Проблематичность этой интерпретации заключается в том, что все перечисленные исследования основаны на автобиографических текстах, созданных значительно позднее описанных в них событий и подчиняющихся определенному канону самоописания [Hoogenboom 1996]. Л. Манчестер неоднократно подчеркивает, что об «ужасах бурсы» писали и те мемуаристы, которые в целом позитивно относились к полученному ими духовному образованию [Манчестер 2015: 250]. Разбирая публикацию в «Новом времени» и ректор, и ревизор Учебного комитета Синода М.Х. Григоревский настойчиво опровергали главный тезис А.С. Пругавина: запрет на чтение семинаристами «светских книг» — это «очевидная ложь» [РГИА. Ф. 802. Оп. 9. Отчеты. Разд. I. Д. 1. Л. 265].

Выявленное противоречие требует более внимательно отнестись к позиции представителей духовного ведомства и задать вопрос о бытовании светской литературы, в том числе относящейся к категории передовой, в пореформенной семинарии. Для ответа на него необходимо осветить ряд аспектов, связанных

с инфраструктурой чтения в духовных учебных заведениях: на каких основаниях было организовано внеклассное чтение, как и кем оно контролировалось? Как были устроены семинарские библиотеки и какими книгами они комплектовались? В каких формах и с какой целью преподаватели и воспитанники взаимодействовали с литературой, «не соответствующей целям духовного образования»? Рассмотрение этих вопросов, в свою очередь, дает возможность говорить о связи практик чтения поколения 1870-х с образовательными практиками официальной школы, которым они обычно противопоставляются [Манчестер 2015: 250; Leibov, Vdovin 2020: 261].

Такая задача представляет собой вызов для исследователя. Несмотря на довольно очевидную мысль, сформулированную Д. Роузом в статье «История образования как история чтения», что любой образовательный процесс в основном состоит из чтения [Rose 2007: 595], найти свидетельства о рутинных школьных практиках чтения последней трети XIX в. не так легко. Как убедительно показывают Р. Лейбов и А. Вдовин, информации о чтении молодежью запрещенных книг сохранилось гораздо больше, чем сведений об изучении школьной программы [Leibov, Vdovin 2020: 260].

Система духовно-учебных заведений Синода в силу ряда причин дает возможность заглянуть в обычно недоступное ученическое чтение, чтобы увидеть читательский опыт, обусловленный образовательными практиками. Организация внеклассного чтения под контролем педагогов была составной частью реформы духовного образования 1867 г. Устав духовных семинарий регламентировал собственно чтение (§ 135) и составление сочинений (§ 134). Их взаимосвязь подчеркивалась эксплицитно: «[Н]е менее того [упражнения в сочинениях] должно быть поощряемо чтение учениками полезных книг под руководством учителей — каждого по преподаваемому им предмету» [Устав 1867: 29].

Чтение рассматривалось Синодом в качестве инструмента воспитания нового поколения пастырей церкви, в свободное время выбирающих книгу вместо низменных пороков, прежде всего пьянства. Столкнувшись с нежеланием окружного духовенства финансировать ученические библиотеки, члены Учебного комитета вынуждены были раз за разом объяснять «существенную необходимость чтения детьми полезных книг как для умственного их развития, так и для облагорожения их в нравственном отношении» [РГИА. Ф. 797. Оп. 45. I отд. 2 стол. Д. 106. Л. 27об.–28].

Особенностью реформы 1867 г. была ее недетализированность. Учебный комитет предполагал сделать корпорации учащихся

и местное духовенство максимально самостоятельными в реализации уставов. Это объяснялось как различием условий в епархиях, так и тем, что учебные заведения содержались на деньги окружного духовенства. Семинарии должны были переходить на новые программы поэтапно в течение нескольких лет. Это давало возможность Синоду корректировать детали по мере накопления опыта реализации реформы с помощью циркуляров, а также через публикацию отчетов ревизоров, которые рассылались для ознакомления во все епархии. Важно подчеркнуть, что в конце 1860-х — начале 1870-х гг. Учебный комитет Синода как институт рекомендательной библиографии для детского чтения [Лучкина 2012] находился в процессе становления и не контролировал все аспекты чтения семинаристов. Например, выбор книг для библиотек был оставлен на усмотрение учителей [Собрание постановлений 1875: 86].

Организация чтения включала в себя создание инфраструктуры. Параграфы 142–143 Устава предписывали иметь в учебном заведении библиотеку, в которую должны были входить «учебные книги для воспитанников и вспомогательные для учителей, избранные книги для чтения воспитанниками». Параграф 144 «дозволял», но не обязывал создавать ученические библиотеки «на добровольные пожертвования учеников» [Собрание постановлений 1875: 107]. Последние предполагали более свободный доступ к литературе, так как обычно размещались в классах или общежитии, а заведование ими в первое время поручалось самим семинаристам.

Отсутствие общих правил комплектования и функционирования библиотек, а также передача решения о размере и источниках их финансирования съездам окружного духовенства, члены которых зачастую не разделяли мнения Учебного комитета о пользе чтения, привели к тому, что размер и состав библиотечных фондов радикально отличались от семинарии к семинарии. В таблице 1 приведены данные за 1875 г. по 11 семинариям, обревизованным в этом году членами Учебного комитета, включая Архангельскую духовную семинарию [РГИА. Ф. 797. Оп. 45. I отд. 2 стол. Д. 10а–10б].

Состояние библиотек зависело скорее от условий конкретной епархии, чем от численности учеников или длительности существования учебного заведения. Так, наиболее многочисленными были фундаментальные библиотеки семинарий западных губерний, получившие в свое пользование собрания книг упраздненных монастырей. Вместе с тем цифры мало говорят о доступности этих коллекций учащимся и тем более об их «пользе». Например, в Витебской семинарии хранилось до 160 книг на не изучавшихся в ней языках — шведском, голландском,

Таблица 1

Семинария	год основания	количество учеников	фундаментальная	ученическая
Архангельская	1799	53	6050	652
Витебская	1856	115	6132	380
Волынская	1796	406	10224	1219
Вятская	1734	331	6639	702
Екатеринославская	1779	177	9320	270
Литовская	1828	92	≥12 000	722
Нижегородская	1721	276	4183	88
Олонецкая	1828	167	3481	112
Орловская	1778	391	5697	437
Пензенская	1800	260	4891	748
Подольская	1797	282	6054	2549

грузинском, армянском, татарском, персидском [РГИА. Ф. 797. Оп. 45. I отд. 2 стол. Д. 10а. Л. 338].

Закономерно, что ученические библиотеки были в разы меньше фундаментальных, однако разброс цифр от семинарии к семинарии значителен и не всегда прямо пропорционален размеру фундаментальной библиотеки. Семинарии могли иметь многотысячные фундаментальные собрания, но при этом совершенно не вкладываться в создание ученических библиотек [Леонтьева 2016: 13–14]. Не во всех случаях состояние библиотеки было результатом собственной политики учебного заведения. Например, плачевное положение ученической библиотеки Олонецкой семинарии ревизор М.Х. Миропольский в отчете объяснил жесткой позицией архиепископа Олонецкого и Петрозаводского Аркадия (Федорова), который не одобрял приобретение в семинарскую библиотеку светских книг и даже учебных пособий, рекомендованных Синодом, а настаивал на выписке духовных журналов. В результате ученическая библиотека была организована там только в 1871 г., после назначения нового епископа Ионафана (Руднева) [Миропольский 1875: 70].

На общем фоне положение библиотек Архангельской духовной семинарии кажется относительно благополучным, особенно с учетом того, что учебное заведение занимало четвертое место среди малолюдных, уступая только Астраханской, Рижской и Якутской [Сушко 2010: 82–84], т.е. в среднем на одну ученическую душу в ней приходилось больше книг, чем в других епархиях. Ученическая библиотека была основана в 1860 г. и постоянно пополнялась. Кроме того, учащиеся по запискам

преподавателей или ректора могли получать книги из фундаментальной библиотеки. Утвержденные 1 ноября 1867 г. правила фундаментальной библиотеки требовали от учителей в конце каждой трети предоставлять список книг для заказа. Сводные списки предлагались на обсуждение и утверждение правления [Керский 1870: 49].

По ежегодным отчетам ректора можно проследить динамику пополнения обеих библиотек в течение 1867–1873 гг. [РГИА. Ф. 802. Оп. 9. Отчеты. Разд. I. Д. 1], чтобы убедиться в несправедливости отзыва А.С. Пругавина о «крайней бедности» библиотеки в 1872 г.

Таблица 2

Учебный год	1867/68	1868/69	1869/70	1870/71	1871/72	1872/73
фундаментальная	3404	3437	4398	4398	4504	4633
ученическая	214	435	683	503	1210	1210

Значительное уменьшение ученической библиотеки в 1870/71 учебном году, скорее всего, связано с системой учета, поскольку ректор упоминает в числе книг ученической библиотеки в предыдущем 1869/70 учебном году приобретенные в течение года 33 учебника, а также пожертвованные 50 брошюр и «Иркутские епархиальные ведомости» за 1869 г., которые в отчете следующего года не фигурируют [РГИА. Ф. 802. Оп. 9. Отчеты. Разд. I. Д. 1. Л. 417, 91]. Пополнения обеих библиотек происходили неравномерно и были связаны скорее с вкладом епископа, ректора и преподавателей семинарии, чем с копеечными сборами учеников и их родителей.

В отчетах также приводятся цифры по разделам каталога, но, из-за того что системы учета книг постоянно менялись, их сложно сопоставлять. Например, раздел «философские и педагогические книги» появился только в 1869/70 учебном году, однако, поскольку в нем сразу оказалось 400 книг, скорее всего, он был выделен из других собраний. В том же году в ученической библиотеке появился раздел «математика и естествознание», а в фундаментальной — «естественные книги» (233), тогда как раньше указывались только книги по математике (122). В таблице 3 не учтены появлявшиеся и исчезающие разделы «смесь», «география», а также сложно сопоставимые для двух библиотек категории «языкознание», «на новейших языках», «на малоизвестных».

Из отчета в отчет ректор переписывал одну и ту же фразу о состоянии библиотек: дают «достаточные научные средства для

Таблица 3

Раздел каталога		1867/68	1868/69	1869/70	1870/71	1871/72	1872/73
богословские	ф	1685	1694	1408	1408	1484	1485
	у	150	185	206	206	383	383
исторические	ф	773	780	913	913	943	963
	у	–	–	98	98	146	146
словесность	ф	485	495	425	425	425	485
	у	–	–	45	45	383	383
математика и естествознание	ф	156	160	355	355	355	375
	у	–	–	37	37	87	87
философские и педагогические	ф	–	–	400	400	400	410
	у	–	–	52	52	51	51

наставников и средства к умственному развитию воспитанников» [РГИА. Ф. 802. Оп. 9. Отчеты. Разд. I. Д. 1. Л. 30]. Ревизор Учебного комитета С.В. Керский в 1870 г. сделал несколько замечаний по этому же поводу, которые не вошли в печатную версию обзора, более комплиментарную по своему характеру. В частности, он отметил вопиющий факт, что в духовной семинарии не было ни одного полного комплекта богослужебных книг, необходимых приходскому священнику. В фундаментальной библиотеке он выделил отдел русской словесности, «довольно большой, но не без пробелов», а философский и богословский отделы охарактеризовал как «скудные». В ученической, напротив, был «хорошо составленный» богословский отдел, «исторический отдел плох и мал. Отдел словес[ости] почти то же» [РГИА. Ф. 802. Оп. 17. Д. 38. Л. 38]. При повторной ревизии в 1875 г. другой ревизор М.Х. Григорьевский отметил «много книг устарелых и негодных для употребления» [Григорьевский 1876: 14].

Можно выделить несколько основных тенденций в характере комплектования библиотек Архангельской семинарии. Во-первых, библиотеки в первую очередь обслуживали интересы учебной программы, однако раздел богословских книг в фундаментальной библиотеке, очевидно, находился в некоторой стагнации. Для сравнения — в последний известный по отчетам 1876/77 учебный год раздел этот еще сократился до 1475 и 305 книг соответственно, хотя фундаментальная библиотека

в целом выросла до 6250 названий, а ученическая сократилась незначительно [РГИА. Ф. 802. Оп. 9. Отчеты. Разд. I. Д. 1. Л. 330об.]. В разделе исторических книг совместно учитывались работы по церковной и гражданской истории, однако, по свидетельству С.В. Керского, в основном он состоял из книг по гражданской истории [Керский 1870: 47]. Стоит также отметить значительное пополнение разделов словесности и естествознания ученической библиотеки в 1872 г. в разгар конфликта по поводу публичной библиотеки.

Отчеты ректора о состоянии библиотек в основном не учитывают периодических изданий, которые составляли значительную часть чтения учеников. Восполнить этот пробел можно благодаря отчету С.В. Керского. В 1868/69 учебном году в фундаментальной библиотеке числились девять религиозных журналов. Утвержденные в 1867 г. правила пользования библиотекой содержали важное примечание: семинаристам не нужно было получать одобрение преподавателя на чтение духовной периодики [РГИА. Ф. 802. Оп. 17. Д. 38. Л. 42]. По-видимому, педагоги полагали, что в ней точно не может содержаться ничего недозволенного. Фактически это было единственное чтение, которое не подлежало никакому контролю. Семинария также выписывала пять светских журналов («Журнал Министерства народного просвещения», «Педагогический сборник», «Учитель», «Вестник Западной России», «Вестник Европы») и две газеты — столичный «Голос» и местные «Архангельские губернские ведомости». Очевидно, выбор был сделан в пользу педагогических изданий.

Коллекция журналов ученической библиотеки в основном была пожертвована архангельским епископом Нафанаилом (Савченко). Журналы по большей части дублировали собрание фундаментальной библиотеки, в коллекции не было свежих номеров, зато встречались библиографические редкости. Светских журналов было передано пять названий: «Русский архив» (1864–1866), «День» (1860–1865), «Домашняя беседа» (1861–1863), «Журнал Министерства народного просвещения» (1861–1864) и «Учитель» (1861–1866). Комментария заслуживает последнее издание. В 1872 г. ревизор И.К. Зинченко, обнаружив его в библиотеке Вятского духовного училища, посчитал издание подходящим только для преподавателей, поскольку из публикаций ученики могли почерпнуть «терминологию материализма» [РГИА. Ф. 802. Оп. 9 — 1871. Д. 60. Л. 117].

По библиотечным правилам 1867 г. первые шесть месяцев периодика должна была храниться в помещении правления семинарии, которое служило читальней для преподавателей, а затем передаваться в фундаментальную библиотеку [РГИА. Ф. 802.

Оп. 17. Д. 38. Л. 41–41об.]. Ревизор М.Х. Григоревский в 1875 г. зафиксировал полное отступление от них, связанное с особенностями организации пространства для чтения. Помещение ученической библиотеки фактически представляло собой читальный зал, в котором был большой стол и несколько стульев. Газеты и журналы, в том числе светские, поступали в нее всего через несколько дней после их получения правлением, складывались на стол и «предлагались для послеобеденного чтения всякому желающему». В частности, ревизор нашел несколько номеров газеты «Голос», после чего распорядился изъять все газеты из ученической библиотеки [Григоревский 1876: 14].

Свободный доступ учеников к периодике был тем более возмутителен, что 24 марта 1870 г. Синод прямо запретил выписывать газеты и журналы в ученические библиотеки, полагая, что их чтение «может быть с большею пользой заменено чтением книг, имеющих отношение к учебному курсу» [Собрание постановлений 1875: 105]. Из отчета ректора за 1871/72 учебный год информация обо всех журналах в составе ученической библиотеки исчезла, тогда как в отчете за предыдущий 1870/71 учебный год он указал 50 духовных и 56 светских изданий за разные годы [РГИА. Ф. 802. Оп. 9. Отчеты. Разд. I. Д. 1. Л. 91, 147]. Изменение формы отчета косвенно подтверждает, что ректор принял требование Синода к сведению. Специфику организации читального зала для учеников можно интерпретировать и как способ обойти этот запрет, и как результат невнимания к тому, что именно читают воспитанники в семинарской библиотеке, когда все внимание педагогов было сосредоточено на борьбе с книгами «из города».

В том же 1870 г., знакомясь с отчетами епископов, Учебный комитет обнаружил, что один из преподавателей в 1867/68 учебном году использовал сочинения В.Г. Белинского и Н.А. Добролюбова в качестве учебных пособий на уроках словесности. В результате определением 11 февраля 1870 г. сочинения обоих авторов было приказано изъять из семинарских библиотек [РГИА. Ф. 797. Оп. 40. I отд. 2 стол. Д. 37. Л. 3]. Указание в статье А.С. Пругавина, что библиотекарь отказывается выдавать сочинения Белинского без «разрешения Синода» свидетельствует, что в Архангельской семинарии относились к подобным распоряжениям Петербурга внимательно, в отличие от других семинарий, где запрещенные Учебным комитетом книги могли оставаться в библиотеках годами не вследствие особого вольнодумства педагогов, а из-за пренебрежения организацией чтения в целом [Зинченко 1871: 37].

Если в других семинариях ревизоры отмечали отсутствие специальных помещений для чтения учащихся как недостаток,

то М.Х. Григоревский обнаружил, что и формат читального зала мало подходит для организации «правильного» чтения. Правила библиотеки 1867 г. контролировали только выдачу книг на руки, в помещении библиотеки ученики оставались без надзора и могли «брать и читать книгу, какую кому угодно, следовательно иногда и малопригодную. И если хороший ученик возьмет полезную книгу, то ученикам, не особенно внимательным к учебным своим нуждам и ленивым, свободно выдаются романы, каковых в библиотеке достаточное количество» [Григоревский 1876: 14].

Несмотря на настороженное отношение членов Учебного комитета к светской периодике в составе фундаментальных библиотек и отрицательное — в составе ученических, ни один из них не был сторонником взглядов архиепископа Аркадия (Федорова), требовавшего выписывать в духовные учебные заведения одни богословские журналы. Напротив, чтение воспитанниками семинарий только духовной литературы признавалось непедагогичным и прямо вредным. Анализируя круг чтения олонечких семинаристов, состоявший в основном из «божественных» сочинений, ревизор М.Х. Миропольский отмечал, что «столь односторонний выбор чтения не был прочен по своему влиянию, и при случайном знакомстве ученика с литературой светской безраздельно уступал место последней» [Миропольский 1875: 68–69].

Учебный комитет Синода не ставил задачи оградить духовных воспитанников от светской литературы. Это было невозможно хотя бы потому, что в результате реформы 1867 г. первые четыре класса семинарии стали общеобразовательными и были приближены к программе классических гимназий. Выпускники 4 класса семинарии получили право поступать в университет, что приравнивало их к выпускникам классических гимназий и давало преимущество перед реалистами [Сушко 2010: 32–35]. Большинство богословских предметов, кроме Изъяснения Священного Писания, были перенесены на 5-й и 6-й годы обучения.

Первые два года ученики семинарии посещали уроки русской словесности и истории литературы, которые включали знакомство с произведениями русских писателей до Н.В. Гоголя включительно, а также с отрывками из произведений новейших авторов, например И.С. Тургенева и И.А. Гончарова, помещавшихся в хрестоматиях¹. Таким образом, по замыслу Учебного комитета, семинаристы должны были своевременно получить опыт чтения хорошей художественной литературы под контро-

¹ Подробно о роли хрестоматий в формировании школьного канона русской школы см.: [Vdovin 2017].

лем наставника, чтобы впоследствии уметь самостоятельно выбирать ее из массы текстов, которые предлагал книжный рынок. Обобщая опыт преподавания этих предметов, ректор Архангельской семинарии в отчете за 1873/74 учебный год назвал главной проблемой нехватку времени в классе, из-за чего учитель не успевал разбирать жанры исторического, бытового романа, сказки и легенды, а также полностью потерял Шекспира. Единственным выходом было «[о]бязать все это прочитать независимо от тем [сочинений], и от времени до времени справляться о содержании их. В этом и будет состоять чтение книг» [РГИА. Ф. 802. Оп. 9. Отчеты. Разд. I. Д. 1. Л. 234об.]. Так сама педагогическая практика вела к организации «полезного» и подконтрольного учителю внеклассного чтения.

Следует отметить, что учитель словесности не отвечал единолично за внеклассное чтение, так как § 135 Устава требовал участия всех педагогов — «каждого по преподаваемому им предмету» [Устав 1867: 29]. Тем не менее общей практикой было назначение именно учителя словесности библиотекарем фундаментальной или обеих библиотек, если правление принимало решение не допускать к заведованию библиотекой учеников. В Архангельской семинарии в октябре 1870 г. учителя Л. Коротова, вышедшего в отставку после 30 лет службы в 1868 г., но продолжавшего преподавать из-за нехватки учителей, наконец сменил недавний выпускник Казанской духовной академии Н.В. Кубинцев, которого обязали вести словесность, историю литературы и логику. В 1871/72 учебном году в дополнение к основным обязанностям он стал заведовать обеими библиотеками и составил систематический каталог, которого до него в семинарии не было [РГИА. Ф. 802. Оп. 9. Отчеты. Разд. I. Д. 1. Л. 147об.]. У семинаристов молодой учитель энтузиазма не вызывал, и не только потому, что отказывался выдавать им Белинского. Петр Иванов писал о нем в декабре 1871 г.: «[Э]то иезуитская натура <...> он перебрался теперь в семинарию и ходит подслушивает и подглядывает без зазрения совести» [ГАРФ. Ф. 112. Оп. 2. Д. 1676. Л. 4об.].

Через пять лет после начала реформы духовного образования, в 1872 г., Учебный комитет на основе материалов ревизий окончательно убедился, что большинство из корпорации учащихся не справились с возложенной на них задачей организации внеклассного чтения. Констатация этого факта была сформулирована довольно мягко: «[Н]е везде строго выполняется требование <...> относительно чтения воспитанниками книг» [РГИА. Ф. 797. Оп. 42. I отд. 2 стол. Д. 56. Л. 3об.]. На общем фоне Архангельская семинария выделялась как одно из немногих учебных заведений, где вообще были разработаны правила организации внеклассного чтения.

Еще в 1866 г. архангелогородцы получили разрешение Синода на открытие общих собраний учителей семинарии и духовного училища для обсуждения педагогических вопросов. До утверждения новых уставов 14 мая 1867 г. они успели собраться 12 раз и принять ряд решений, касавшихся методов преподавания словесности, порядка назначения сочинений и организации чтения. В частности, 5 марта 1867 г. были сформулированы два тезиса о чтении: оно «а) должно сопровождаться критикой наставника, который должен показать и то, как читать, чтобы чтение приносило пользу; б) книги для чтения должен указывать сам наставник» [Керский 1870: 3]. Выписавший решения собрания в отчет о ревизии С.В. Керский в 1870 г. отметил прогрессивность этих идей, поскольку они были приняты до издания новых учебных программ, действительно потребовавших от учителей руководить выбором книг и давать указания, как их читать.

В 1870/71 учебном году правление разработало правила, с помощью которых в семинарии должен был быть реализован § 135 Устава. Необходимость их составления ректор объяснил как «неопределенностью» самого параграфа, так и отсутствием единства в действиях преподавателей: «[С]лучайные указания книг наставниками <...>, по тому самому, что случайные и частные, не могли вполне достигать цель — руководства учеников в чтении книг» [РГИА. Ф. 802. Оп. 9. Отчеты. Разд. I. Д. 1. Л. 87об.–88]. Правилами было предписано дополнительно в последнюю треть года вместо одного из сочинений назначать по каждому предмету письменный отчет о прочитанном. При этом ученики должны были «своевременно» по ходу чтения делать заметки, чтобы потом вносить их в свои отчеты. Цель составления правил заключалась в достижении «большей целесообразности в деле руководства при чтении книг за учениками и для надлежащего наблюдения за этим важным и полезным делом» [РГИА. Ф. 802. Оп. 9. Отчеты. Разд. I. Д. 1. Л. 396–396об.].

Поскольку практика подачи отчетов о прочитанном реализовывалась в 1871 г. впервые, ректор посчитал своим долгом прочитать их. Благодаря его анализу у нас есть редкая возможность узнать о внеклассном чтении воспитанников семинарии, одобряемом, а не порицаемом педагогами. Архимандрит Донат выделил три разных основания для высокой оценки отчета: большое количество прочитанных книг, самостоятельность идей о прочитанном или «мысль, которою руководились ученики при чтении книг». В пример он привел отчеты трех учеников 4 класса, т.е. оканчивавших общеобразовательный курс, Шуйского, Титова и Калининкова. Первый выделялся не только «по числу и отчетливости прочитанных книг», но и особой настойчивостью в усвоении «Логики» Гегеля. Титов впечатлил

ректора тем, что самостоятельно «очень удачно» проанализировал значение работы К.Д. Ушинского «Человек как предмет воспитания. Опыт педагогической антропологии». Наконец, Калинин прочитал «Историю цивилизации Дрепера, по его словам, затем, чтобы приблизить к своему понимаю обозрение философских учений, у которого (Дрепера) они представлены в исторической связи с жизнью народов и их развитием» [РГИА. Ф. 802. Оп. 9. Отчеты. Разд. I. Д. 1. Л. 89–89об.]. Очевидно, речь шла о книге Д.В. Дрейпера «История умственного развития Европы» 1863 г., русский перевод которой был издан в 1866 и 1869 гг. Ошибка с указанием названия может свидетельствовать, что сам ректор книгу в руках не держал и о ее содержании судил со слов ученика.

Появление в официальном отчете за 1870/71 учебный год в качестве образцового сочинения разбора книги, которая несколько лет спустя будет однозначно восприниматься как материалистическая и вредная¹, нельзя объяснить простым недосмотром со стороны учителей или незнанием ее содержания. С одной стороны, ученик Василий Калинин, бывший вторым в разрядном списке среднего отделения [РГИА. Ф. 802. Оп. 17. Д. 38. Л. 283об.], т.е. одним из лучших учеников семинарии, действительно принадлежал к числу «передовых» и осенью 1871 г. поступил в Медико-хирургическую академию [ГАРФ. Ф. 112. Оп. 2. Д. 1676. Л. 3об.]. С другой стороны, следует более внимательно взглянуть на предмет, в качестве отчета по которому Калинин сдал разбор сочинения Дрейпера.

Обзор философских учений был новым курсом семинарской программы, он появился по Уставу 1867 г. в расписании 4 класса, по четыре урока в неделю. Преподавание затруднялось отсутствием учебника, так как в гимназиях подобного курса не было [Сушко 2010: 33–34]. Это вынуждало педагогов готовить и выдавать ученикам рукописные записки на основе примерной программы, подготовленной членом Учебного комитета И.А. Чистовичем. Ситуация осложнялась запретом на преподавание философии в университетах, действовавшим с 1850 по 1860 г. В течение десяти лет она преподавалась только в духовных академиях, где будущие учителя семинарий слушали историю философии [Сушко 2010: 37]. Между тем Учебный комитет настаивал, что курс для семинаристов должен принципиально отличаться от академического.

¹ Борьба вокруг сочинений Дрейпера описана в корреспонденции из Вологодской духовной семинарии журнала «Вперед!»: «[У] кого будет встречена запрещенная книга в роде [так!] Дрепера, тот будет строго наказан. Ученики просят его [инспектора] сообщить, какие книги следует относить к недопущенным. Хитроумный Прозоровский отвечает на это: “не ваше дело, знать это; вы только не должны читать их!”» [Из Вологды 1876: 227].

И.А. Чистович в пояснительной записке утверждал, что цель нового предмета — «изложить главные направления философского ума, как они выразились в важнейших системах истории философии, конечно, с указанием их односторонности и несостоятельности». Например, противоречия в трактовках вопроса о «началах нравственной деятельности» должны были показать ученикам историческую сменяемость философских систем и «служить самым надежным противодействием против всякого слепого увлечения» [РГИА. Ф. 802. Оп. 9 — 1867. Д. 31. Л. 67–69]. Таким образом, курс по своим задачам был схож с историей раскола или изучением догматов католической церкви: он должен был подготовить будущих пастырей к философским спорам и утвердить их самих в истинности православной веры.

И.А. Чистович предлагал разбирать с учениками атеизм, позитивизм, унитаризм, материализм и прочие учения, используя в качестве пособия не только работу немецкого религиозного философа Г. Ульрици «Бог и природа» (1862), обосновывавшего бытие бога с помощью новейших научных открытий, но и гораздо более сомнительную с точки зрения «направления» «Историю философии от начала ее в Греции до настоящего времени» Д.Г. Льюиса (1846). Анализ этой книги в программе позволяет понять, как и зачем нужно было читать, казалось бы, «вредные» книги по философии. С одной стороны, Чистович признавал «живость» изложения, способную заинтересовать читателей в сложном предмете. В то же время он назвал Льюиса «любителем»: тот с «несдерживаемой насмешкой» отзывался об идеализме Платона, неузнаваемо пересказывал Канта и «ничего не понимал» в Шеллинге, зато «все его сочувствие обращено к реализму». По-видимому, легкомысленное обращение с основными философскими течениями делало книгу подходящим «пособием для ознакомления с философскими учениями реалистического направления», так как давало возможность читателям с такой же меркой подойти к увлечению автора краниоскопией, френологией, а заодно позитивизмом Огюста Конта [РГИА. Ф. 802. Оп. 9 — 1867. Д. 31. Л. 70–70об.].

В Архангельской семинарии обзор философских учений с момента появления этого предмета при переходе на новую программу в 1870/71 учебном году читал кандидат духовной академии Е.Н. Шуйский, начавший педагогическую службу еще в 1847 г. В соответствии с указаниями программы Шуйский подробно разбирал те философские системы, которые оказали наибольшее влияние на «направление умственной деятельности последующего времени», в том числе «современный германский материализм» [РГИА. Ф. 802. Оп. 9. Отчеты. Разд. I. Д. 1. Л. 58об.]. Ученикам были выданы составленные преподавателем записки, в которых он опирался на рекомендованные Чистовичем

чем «Историю философии» А. Шwegлера (русский перевод — 1864), «Историю философии в общепонятном изложении для образованной публики и для учащихся» В. Бауэра (1866), а также «Историю новой философии» К. Фишера (1862–1865) и «Философский лексикон» С.С. Гогоцкого (1857–1873) [РГИА. Ф. 802. Оп. 9. Отчеты. Разд. I. Д. 1. Л. 58об.–59].

Е.Н. Шуйского нельзя заподозрить в склонности к новейшим идеям или потаканию ученикам. А.С. Пругавин описал его как «профессора, обесмертившего себя защитой перед ревизором необходимости зубрения учениками лекций логики и психологии». Он же был составителем правил поведения, мелочно регламентировавших не только распорядок дня, но и длину волос и одежду учащихся. В корреспонденции «Нового времени» были процитированы самые «прелестные» отрывки из этого сочинения: «Полезно юноше перенимать в обществе приемы *благоприличного* обращения людей *благовоспитанных*; но избегать вольностей людей *рассеянных*» [Пругавин 1872: 3; курсив в оригинале]. Петербургские ревизоры тоже невысоко оценивали педагогические таланты преподавателя. В 1875 г. М.Х. Григоревский писал, что на уроках философии учитель злоупотребляет научными терминами, из-за чего «главная мысль представлялась в неопределенных очертаниях и как бы в тумане» [Григоревский 1876: 2].

Несмотря на эти нелестные характеристики, нельзя предположить, что преподаватель не был знаком с содержанием книги Дрейпера и поэтому допустил ее чтение Калинниковым. В 1874 г. при разборе дела об издании «коммунистического» журнала «Развитие» Шуйский легко определил источник статьи ученика 3 класса Михаила Колчина «Связь начала европейской цивилизации с ее современным положением» — первые главы «Истории умственного развития Европы». Доказанная инспектором несамостоятельность текста Колчина позволила правлению проявить снисходительность и вынести заключение, что в юноше «увлечение идеями тенденциозного характера остановилось на заблуждениях рассудка», так как он просто «подыскивал и приводил» мысли из книги Дрейпера [РГИА. Ф. 797. Оп. 44. I отд. 2 стол. Д. 8. Л. 345].

Работа Дрейпера, очевидно, была доступна в семинарской библиотеке, поскольку фигурировала среди пособий по общей церковной истории преподавателя С.Ф. Арсеньева. Этот предмет также читался по собственным запискам учителя, которого не устраивал единственный доступный текст — «Начертание церковной истории» Иннокентия Пензенского (И.Д. Смирнова), впервые изданный еще в 1817 г. Для подготовки курса он пользовался широким набором сочинений от специальных работ

о папстве Л. фон Ранке до гимназического учебника по всеобщей истории Г. Вебера. Не совсем ясно, зачем Арсеньеву был нужен Дрейпер, книга которого в целом описывала поступательное движение цивилизаций от «века веры» к «веку разума». Несколько глав раздела «Век веры на Западе» были посвящены как истории церкви, так и истории философии в Европе. Важен сам факт, что книга дважды упомянута ректором в отчете за 1870/71 учебный год как непроблематичное чтение для преподавателя и ученика [РГИА. Ф. 802. Оп. 9. Отчеты. Разд. I. Д. 1. Л. 47].

Таким образом, программа реформированной семинарии не просто не запрещала «светские книги», но даже поощряла знакомство воспитанников с позитивизмом и материализмом, если оно происходило под контролем учителей и служило цели укрепить их в догматах православной веры, показывая всю несостоятельность этих учений. Побуждаемые примерными программами к составлению записок к урокам, а также списков литературы для внеклассного чтения, с «передовыми» текстами знакомились даже те учителя, которых сложно заподозрить в сочувствии к новейшим идеям. Необходимость обсуждать с учениками такого рода тексты наиболее полно сформулировал инспектор Вологодской духовной семинарии А.Н. Малевинский в 1871 г. в записке о руководстве внеклассным чтением. Он рекомендовал учителям систематически предпринимать разбор статей, «почему-либо обративших на себя общее внимание и возбудивших в обществе различные толки». Их задачей было раскрывать ученикам «одностороннее и вредное направление» таких текстов, особенно если они относились к категории сочинений, «подрывающих любовь и уважение к православной церкви, ее уставам, священнодействиям и обрядам» [РГИА. Ф. 802. Оп. 9 — 1873. Д. 50. Л. 85]. С такой целью не только работа Дрейпера, но и другие книги, входившие в подпольную рекомендательную библиографию [Рейсер 1960], оказывались допущены учителями семинарии для внеклассного чтения их воспитанников.

Не тексты сами по себе были опасны для молодых умов, а именно ситуация бесконтрольного чтения, позволявшая интерпретации, альтернативные той единственно верной, которая вела к торжеству православной веры даже через чтение атеистического или материалистического сочинения. Именно вследствие этого публичные библиотеки были опасным местом, так как они способствовали интеграции воспитанников духовных школ в сообщества, интерпретирующие тексты по принципиально иным правилам.

Далеко не во всех семинариях борьба вокруг публичной библиотеки была настолько острой, как в Архангельске. Тем не менее

ревизоры Учебного комитета систематически выказывали озабоченность по поводу посещения семинаристами городских и общественных библиотек. В 1871 г. ревизор И.К. Зинченко в отчете по Казанской епархии, приведя данные также по Черниговской и Курской, учащиеся которых составляли большинство читателей местных библиотек и пользовались льготами при оплате читательских билетов, настаивал, что у ректоров семинарий должен быть инструмент контроля за фондами библиотек, так как другими способами они не могут предотвратить «бесцельное, а иногда и вредное чтение», которое принимает катастрофические масштабы [Зинченко 1872: 34]. В правилах 1872 г. о чтении, которыми Учебный комитет подвел неутешительные итоги первых пяти лет реализации устава 1867 г., чтение книг из городских библиотек было наконец-то регламентировано для всех учебных заведений Синода: «[П]осещение учениками частных библиотек, а равно и получение книг из оных, дозволяется только с разрешения инспектора» [РГИА. Ф. 797. Оп. 42. 1 отд. 2 стол. Д. 56. Л. 3об.].

Анализ случая Архангельской духовной семинарии позволяет опровергнуть тезис о радикальном разрыве между чтением с целью саморазвития, которое реализовывало поколение 1870-х, и педагогическими практиками официальной школы, закрепившийся в историографии в основном благодаря мемуарам. В ходе реформы духовного образования 1867 г. в семинариях была создана инфраструктура внеклассного чтения, получившая свое окончательное оформление в определении Синода 1872 г., предписавшего семинаристам читать серьезную литературу и вести записи о прочитанном. Эти требования совпадали с проектом саморазвития, также предполагавшим ведение записей и воспитание в себе критика, способного к самостоятельному анализу прочитанного. Читатель 1870-х гг. не появился сам по себе одномоментно под влиянием «Исторических писем» П.Л. Лаврова или другой подобной литературы, но отчасти был плодом реализации педагогических экспериментов второй половины 1860-х — начала 1870-х гг.

В первые годы после реформы духовного образования 1867 г. воспитанники семинарий могли брать «передовые» работы в библиотеках учебного заведения и использовать цитаты из них в письменных работах, получая замечания от учителей скорее за несамостоятельность суждений, а не за чтение сомнительной литературы. Это не было результатом недосмотра или, наоборот, деятельности отдельных передовых преподавателей, хотя нельзя отрицать факты существования ни того, ни другого. Важнее, однако, общая ориентация пореформенной духовной школы на воспитание нового поколения «просвещенных священнослужителей». Дух времени диктовал необходимость знакомства

будущих пастырей не только с догматами католической церкви или учением раскольников, но и с позитивизмом, материализмом и атеизмом, что нашло отражение в пояснениях И.А. Чистовича к программе основ философских учений.

По мере накопления опыта массового исхода семинаристов из духовного сословия, с одной стороны, и участия их в революционном движении — с другой, правления семинарий и Учебный комитет пошли по пути все большего ограничения доступа духовных воспитанников к публичным библиотекам в целом и к отдельным, особенно одиозным текстам в частности. Оно никогда не было полным и в основном состояло из точечных изъятий сочинений, фигурировавших в каком-либо из дел о «неблагоповедении» учащихся, как это в конце концов случилось с работой Дрейпера. Рассмотренный в начале статьи конфликт в Архангельской духовной семинарии происходил не столько из-за светской литературы, сколько из-за потери преподавателями контроля над интерпретацией прочитанного.

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00520 <<https://rscf.ru/project/23-18-00520/>>.

Список сокращений

ГАОО — Государственный архив Архангельской области
 ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации
 РГИА — Российский государственный исторический архив

Архивные материалы

- ГАОО. Ф. 1. Оп. 4. Т. 1. Д. 2189. А.С. Пругавин.
 ГАРФ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 293. В Орле. Об Александре Маликове. 1874–1875 гг.
 ГАРФ. Ф. 112. Оп. 2. Д. 1676. Письма Иванова П.А. Нахорову В.А. 1871–1872 гг.
 ГАРФ. Ф. 112. Оп. 2. Д. 1677. Письмо Колчина А.И. Нахорову В.А. 1871 г.
 РГИА. Ф. 797. Оп. 40. I отд. 2 стол. Д. 37. По отчетам преосвященных Рязанского, Костромского, Нижегородского, Самарского и Астраханского о состоянии подведомственных им семинарий за 1867–1868 гг. 1870 г.
 РГИА. Ф. 797. Оп. 42. I отд. 2 стол. Д. 56. По распоряжению о рассылке по духовным учебным заведениям правил касательно приобретения книг в ученические библиотеки и порядка чтения оных учениками. 1872 г.
 РГИА. Ф. 797. Оп. 44. I отд. 2 стол. Д. 8. О сообщении сведений об учениках, исключенных из учебных заведений за предосудительное поведение. 1874 г.

- РГИА. Ф. 797. Оп. 45. I отд. 2 стол. Д. 10а–10б. О командировании членов Учебного комитета при Св. Синоде для ревизии местных духовно-учебных заведений. 1875 г.
- РГИА. Ф. 802. Оп. 9. Отчеты. Разд. I. Д. 1. Годичные отчеты по духовно-учебным заведениям Архангельской епархии. 1867–1877 гг.
- РГИА. Ф. 802. Оп. 9 — 1867. Д. 31. О программах преподавания в духовно-учебных заведениях. 1867 г.
- РГИА. Ф. 802. Оп. 9 — 1871. Д. 60. По отчету статского советника Зинченко о ревизии Вятской семинарии и Вятского и Нолинского духовных училищ, 1871 г.
- РГИА. Ф. 802. Оп. 9 — 1873. Д. 50. По отчету надворного советника Миропольского о произведенной им в 1872 г. ревизии духовно-учебных заведений Вологодской епархии. 1873 г.
- РГИА. Ф. 802. Оп. 17. Д. 38. Материалы к отчету о ревизии Архангельской духовной семинарии. 1870 г.
- РГИА. Ф. 1410. Оп. 1. Д. 62. К делу о привлечении к дознанию учеников Архангельской духовной семинарии Ивана Денежникова, Петра Иванова, Михаила Колчина и Усердова, обвиненных в составлении и распространении рукописного журнала «Развитие». 1874 г.

Источники

- Григоревский М.Х.* Отчет о ревизии духовно-учебных заведений Архангельской епархии (1875 год). СПб.: Б.и., 1876. 60 с.
- Зинченко И.К.* Отчет по обозрению духовно-учебных заведений Вятской епархии (1871 г.). СПб.: Б.и., 1871. 140 с.
- Зинченко И.К.* Отчет о ревизии духовно-учебных заведений Казанской епархии 1871 года. СПб.: Б.и., 1872. 77 с.
- Из Вологды // Вперед! 1876. № 31. Стб. 226–229.
- Керский С.В.* Преобразование духовно-учебных заведений Архангельской епархии (в 1870 г.). СПб.: Б.и., 1870. 114 с.
- Миропольский С.И.* Преобразование духовно-учебных заведений Олонецкой епархии (в 1872 г.). СПб.: Б.и., 1875. 352 с.
- Пругавин А.* Архангельск. 2 февраля 1872 // Новое время. 1872, 10 (22) фев. № 40. С. 2–3.
- Собрание постановлений Святейшего Синода 1867–1874 гг. относительно устройства духовных семинарий и училищ, согласно требованиям высочайше утвержденных 14 мая 1867 года духовно-училищных уставов. СПб.: Б.и., 1875. 236 с.
- Устав православных духовных семинарий. СПб.: Б.и., 1867. 53 с.

Библиография

- Леонтьева Т.Г.* Учебный процесс в духовных семинариях России по воспоминаниям выпускников // Вестник Тверского государственного университета. Серия «История». 2016. № 3. С. 4–16.
- Лучкина А.О.* Силуэты руководителей детского чтения: священник, министр, генерал и другие // Детские чтения. 2012. № 2. С. 117–121.

- Манчестер Л.* Поповичи в миру: духовенство, интеллигенция и становление современного самосознания в России / Пер. с англ. А.Ю. Полунова. М.: НЛО, 2015. 439 с.
- Рейсер С.А.* Подпольная рекомендательная библиография 70–80-х годов XIX века // Советская библиография. 1960. № 1. С. 54–69.
- Сабурова Т., Эклоф Б.* Дружба, семья, революция: Николай Чарушин и поколение народников 1870-х годов. М.: НЛО, 2016. 448 с.
- Сафронова Ю.А.* Памятная книжка Петра Иванова. Поколение 1870-х как интерпретативное сообщество? // Новое прошлое. 2021. № 3. С. 138–155. doi: 10.185722/2500-3224-2021-3-138-155.
- Соловьев К.А.* «Я сказал: вы — боги...»: религиозное течение в освободительном движении 70-х гг. XIX в. в России («богочеловечество»). 2-е изд. М.: Книжный перекресток, 2012. 164 с.
- Сушко А.В.* Духовные семинарии в пореформенной России (1861–1884 гг.). СПб.: СПбГМА, 2010. 254 с.
- Троицкий Н.А.* Русское революционное народничество 1870-х годов (история темы): пособие к спецкурсу. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2003. 97 с.
- Fish S.* What Makes an Interpretation Acceptable? // Gunzenhauser B. (ed.). Reading in History: New Methodologies from the Anglo-American Tradition. L.: Pickering & Chatto, 2010. P. 99–108.
- Hoogenboom H.* Vera Figner and Revolutionary Autobiographies: The Influence of Gender on Genre // Marsh R. (ed.). Woman in Russia and Ukraine. Cambridge: Cambridge University Press, 1996. P. 78–93.
- Leibov R., Vdovin A.* What and How Russian Students Read in School, 1840–1917 // Rebacchini D., Vassena R. (eds.). Reading Russia: A History of Reading in Modern Russia. Milano: Ledizioni, 2020. Vol. 2. P. 259–316.
- Rose J.* The History of Education as the History of Reading // History of Education. 2007. Vol. 36. No. 4–5. P. 595–605. doi: 10.1080/00467600701496922.
- Vdovin A.* “Dmitry Tolstoy’s Classicism” and the Formation of the Russian Literary Canon in the High School Curriculum // Ab Imperio. 2017. № 4. P. 108–137. doi: 10.1353/imp.2017.0078.

Self-Education vs Extracurricular Reading: Secular Literature in Orthodox Theological Seminaries after the Reform of 1867

Julia A. Safronova

European University at St Petersburg
6/1A Gagarinskaya Str., St Petersburg Russia
jsafronova@eu.spb.ru

The paper discusses the reading practices in Orthodox theological schools after the educational reform of 1867. Analyzing the conflict over the reading of secular books by students of the Arkhangelsk Theological Seminary, the author questions the historiographical

thesis about the existence of a profound gap between school practices and the reading program of progressive youth involved in the political protests of the 1870s. The article analyzes the infrastructure of extracurricular reading overseen by the seminary teachers in accordance with the Charter of Orthodox Theological Seminaries (1867). Catalogues of the student and fundamental libraries, rules governing reading and reporting on what was read, and extracts from student reading reports make it possible to conclude that secular and even democratic literature was not banned in theological seminaries during the first half of the 1870s. On the contrary, such types of reading—provided it was overseen by teachers—was considered to be a way to prepare future pastors for debates about materialism and positivism, defending the dogmas of the Orthodox Church. To illustrate this thesis, the paper considers the status of Draper's *History of the Intellectual Development of Europe*, ranging from it serving as a philosophy textbook to being a forbidden work, a source of anti-religious ideas. In conclusion, the author suggests the existence of a significant convergence between the self-development program of the 1870s generation and pedagogical experiments of that time—which similarly required the reading of serious literature, writing reports, and making independent judgments about texts.

Keywords: history of reading, generation of the 1870s, reform of theological educational institutions of 1867, theological seminary.

Acknowledgments

This work has been supported by the Russian Science Foundation, RSF, grant no. 23-18-00520 <<https://rscf.ru/project/23-18-00520/>>.

References

- Fish S., 'What Makes an Interpretation Acceptable?', Gunzenhauser B. (ed.), *Reading in History: New Methodologies from the Anglo-American Tradition*. London: Pickering & Chatto, 2010, pp. 99–108.
- Hoogenboom H., 'Vera Figner and Revolutionary Autobiographies: The Influence of Gender on Genre', Marsh R. (ed.), *Woman in Russia and Ukraine*. Cambridge: Cambridge University Press, 1996, pp. 78–93.
- Leibov R., Vdovin A., 'What and How Russian Students Read in School, 1840–1917', Rebacchini D., Vassena R. (eds.), *Reading Russia: A History of Reading in Modern Russia*. Milano: Ledizioni, 2020, vol. 2, pp. 259–316.
- Leontieva T. G., 'Uchebnyy protsess v dukhovnykh seminariyakh Rossii po vospominaniyam vpusknikov' [The Educational Process in the Theological Seminaries of the XIX Century Russia in Memories of Its Graduates], *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta*, series History, 2016, no. 3, pp. 4–16. (In Russian).
- Luchkina O. A., 'Siluety rukovoditeley detskogo chteniya: svyashchennik, ministr, general i drugie' [The Silhouettes of Children's Readings Advisors:

- A Cleric, A Minister, A General, and Others], *Detskie chteniya*, 2012, no. 2, pp. 117–121. (In Russian).
- Manchester L., *Holy Fathers, Secular Sons: Clergy, Intelligentsia, and the Modern Self in Revolutionary Russia*. DeKalb, IL: Northern Illinois University Press, 2008, 302 pp.
- Reyser S. A., 'Podpolnaya rekomendatelnaya bibliografiya 70–80-kh godov XIX veka' [Underground Recommendatory Bibliography of the 1870s–1880s], *Sovetskaya bibliografiya*, 1960, no. 1, pp. 54–69. (In Russian).
- Rose J., 'The History of Education as the History of Reading', *History of Education*, 2007, vol. 36, no. 4–5, pp. 595–605. doi: 10.1080/00467600701496922.
- Saburova T., Eklof B., *Druzhba, semya, revolyutsiya: Nikolay Charushin i pokolenie narodnikov 1870-kh godov* [Friendship, Family, Revolution: Nikolai Charushin and the Populist Generation of the 1870s]. Moscow: NLO, 2016, 448 pp. (In Russian).
- Safronova Yu. A., 'Pamyatnaya knizhka Petra Ivanova. Pokolenie 1870-kh kak interpretativnoe soobshchestvo?' [Memorable Book of Peter Ivanov. The 1870s Generation as an Interpretative Community], *Novoe proshloe*, 2021, no. 3, pp. 138–155. doi: 10.18522/2500-3224-2021-3-138-155. (In Russian).
- Solovyev K. A., "Ya skazal: vy — bogi...": *religioznoe techenie v osvoboditelnom dvizhenii 70-kh gg. XIX v. v Rossii ("bogochelovechestvo")* ["I Said: You Are Gods..."] Religious Movement in the Liberation Movement of the 1870s in Russia ("God-Humanity"), 2nd ed. Moscow: Knizhnyy perekrestok, 2012, 164 pp. (In Russian).
- Sushko A. V., *Dukhovnye seminarii v poreformennoy Rossii (1861–1884 gg.)* [Theological Seminaries in Post-Reform Russia (1861–1884)]. St Petersburg: St Petersburg State Medical Academy Press, 2010, 254 pp. (In Russian).
- Troitskiy N. A., *Russkoe revolyutsionnoe narodничество 1870-kh godov (istoriya temy)* [Russian Revolutionary Populism of the 1870s (the History of the Question)]: A guide for a special course. Saratov: Saratov University Press, 2003, 97 pp. (In Russian).
- Vdovin A., "Dmitry Tolstoy's Classicism" and the Formation of the Russian Literary Canon in the High School Curriculum', *Ab Imperio*, 2017, no. 4, pp. 108–137. doi: 10.1353/imp.2017.0078.